

УДК 930(410.1)"18/20"

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.34-42

УИЛЬЯМ МИТФОРД О ПРИЧИНАХ ПЕЛОПОНЕССКОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Яснитский

Московский государственный областной университет, г. Москва, 105005, Россия

Аннотация

В историографической по характеру статье рассматриваются причины Пелопонесской войны в трактовке английского историка рубежа XVIII – XIX вв. У. Митфорда, чей труд «История Греции» считался наиболее авторитетным вплоть до выхода «Истории Греции» Дж. Грота. Автор отмечает, что в XIX – XX вв. оценки трактовок У. Митфорда изменились: его начали обвинять в политической предвзятости, в восхвалении Спарты и критике демократии вообще и Афинской системы правления в частности. В статье последовательно приводятся доказательства того, что трактовки причин Пелопонесской войны у У. Митфорда основаны на учете тех же объективных факторов, что и у современных исследователей, – анализе внутривосточной ситуации в греческих государствах на основе материальных интересов политических группировок.

Ключевые слова: английская историография, Античность, XVIII в., У. Митфорд, Афины, Спарта, Пелопонесская война

Оценка научного наследия Уильяма Митфорда (1744–1827) с момента публикации первых томов его «Истории Греции» претерпела существенные изменения как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Митфорда часто критиковали за отстаивание преимуществ монархии, за неприятие им демократического и республиканского типов правления в античную эпоху, за отрицание им афинской формы государственного управления как прогрессивной, что считалось общепризнанным (см. [1–4]).

Мы полагаем, что обращение к тексту английского историка и более глубокий анализ его трактовок заставляет скорректировать некоторые выводы критиков. Соглашаясь с тем, что он не был сторонником демократической формы правления, считаем, что отнюдь не политическая предубежденность лежала в основе его понимания греческой истории. Вызывает возражение и следующая современная оценка: труд Митфорда «представляет собой фактографическое произведение, которое строится на изложении событий в хронологической последовательности. Нечасто в нем встречается авторский комментарий и уж совсем редко развернутая позиция исследователя по ключевым моментам древнегреческой истории» [5, с. 87].

В действительности позиция Митфорда становится понятной и из сопоставления им событий из истории греческих государств с современными ему,

и из определения и сопоставления мотивов, которыми руководствовались те или иные личности или политические группировки. Основа его позиции – внимание к материальным обстоятельствам, влиявшим на мотивы и ход событий. Впечатление же «фактографичности» складывается из принципиального подхода английского историка: исходить из анализа событий, а не политических или абстрактных философских рассуждений, что как раз и было характерно для многих историков его времени.

Так, повествуя о Пелопонесской войне Митфорд не предваряет изложение событий рассуждениями о ее причинах. Структура изложения в книге построена таким образом, что автор как бы продолжает повествование об истоках противоречий Афин и Спарты, описывая их нарастание при Перикле.

Обращаясь к характеристике Перикла, Митфорд отмечает его знатное происхождение и обращает внимание на то, что его самостоятельная политическая деятельность началась только после смерти Аристида и изгнания Кимона. Митфорд не противопоставляет политику Кимона и Перикла; более того, он согласен, что Перикл долго оставался на вторых ролях, но не вследствие каких-либо личных обстоятельств, как об этом писали античные историки: «Старики замечали, что лицом, манерами и голосом он удивительно походил на Писистрата, и это обстоятельство живо обсуждалось суеверными людьми и вызывало у них ревность, что долго удерживало его от участия в общественных делах»¹ (HG, p. 248).

Причину малой политической активности Перикла Митфорд видит в компромиссе между политическими группировками: «Пока был жив Кимон, Перикл был удовлетворен ролью второго человека республики, и между ними существовало согласие; склонность партий к проявлению насилия среди подчиненных людей была ограничена их [Кимона и Перикла] влиянием, и интересы аристократов и демократов необычайным образом сочетались» (HG, p. 279). Нарушение этого компромисса, по мнению английского историка, было неизбежно, поскольку слишком разными были интересы политических сил, лидерами которых были Кимон и Перикл. «Не все были довольны сглаживанием партийных различий... После смерти Кимона некоторые из его основных сторонников едва ли могли смириться с преимуществом, которое сразу приобрел Перикл благодаря своим талантам и популярности... Интересы аристократов и демократов были, таким образом, снова разделены» (HG, p. 279–280).

Раскол между политическими группировками произошел не сразу, он «был постепенным» (HG, p.280). Причину этого Митфорд видит в том, что как сам Перикл, так и поддерживающие его демократические круги сначала не являлись действительно «деспотическими», как впоследствии, «хотя существовала сильная аристократическая партия, отсутствовало конституционное равновесие с демократической группировкой, действительно деспотической. Для удержания государств, которые подчинились Афинам, от [Перикла и его сторонников] больше чем когда-либо ждали либеральных мер управления» (HG, p. 280). Но позже неизбежно возобладали присущие каждой группировке интересы, поскольку «для афинян, составлявших менее чем тридцать тысяч семейств, принуждать их всех [союзные греческие государства] к подчинению собственной силой

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н.Я.

было, очевидно, невозможно. <...> Политика сохранения суверенитета, общая для всех греческих республик, которые приобрели господство над другими греческими республиками, основывалась на этом разделении на партии...» (HG, p. 280–281).

Раскрывая сущность политического противостояния группировок в соседних зависимых государствах, Митфорд считает, что подавление противной стороны при власти сторонников демократии носили более «материальный» характер, нежели при преобладании аристократических группировок. «При обычном ходе вещей по завершении политической борьбы в любой республике, когда аристократическая партия одерживала верх, высылались только лидеры низов, некоторые из наиболее ярых их последователей иногда продавались в другие страны как рабы, а остальные приводились к жесткому подчинению. Но если демократическая партия получала превосходство над аристократической, «демократы» часто высылали всех людей этого разряда и собственность тех, кого они не убивали, они делили между собой: их дома, имущество, рабов и все, что они могли захватить» (HG, p. 281). Именно это обстоятельство, по мнению Митфорда, и лежало в основе той политики, которой был вынужден следовать Перикл, если хотел сохранить власть; и именно это являлось причиной противостояния афинской гегемонии со стороны членов Афинского (Делосского) союза. «В большинстве республик, где теперь распространялось Афинское влияние, демократическая партия поддерживалась Афинским покровительством и обладала всеми правительственными полномочиями. Господство этой партии, и особенно благосостояние ее вождей, зависели от связи с Афинами, и граждане этой партии сами были гарнизоном, удерживающим свое государство в повиновении Афинской республике. Только так они могли надеяться сохранить за собой право владеть домами, поместьями и положением тех, кого они убили или изгнали; на последних они смотрели с ненавистью, естественной для тех, кто боялся одновременно и потерять такие преимущества, и стать жертвой мести за их захват» (HG, p. 281).

Совершенно очевидно стремление английского историка подчеркнуть как неизбежность следования «эгоистической» политике в греческих республиках (особенно при демократическом образе правления) и материальный интерес, лежащий в ее основе, так и неизбежность следования этой политике для Перикла, несмотря на его прямо противоположные первоначальные замыслы. О правомерности этого вывода свидетельствует и теоретическое обобщение Митфорда. «В Афинах непосредственно не сами принципы демократии, но всего более те принципы, которые демократическая империя могла бы лучше всего осуществить, стали... популярными и, очевидно, реализовались в том явлении, которое более поздние авторы называли завоеванием Беотии Миронидом, а современники – освобождением и установлением свободы» (HG, p. 281).

Примером, который подтверждает этот вывод, являются, согласно трактовке Митфорда, восстания в Беотии и Эвбее (HG, p. 282–283). Причины и последствия подобных восстаний, как считает английский историк, характерны не только для демократии в Афинах. Это – «один из «многих примеров недостатков в управлении небольшими греческими республиками, тех недостатков в управлении, которых были не меньше и в Афинах... Лишь немногие афинские семейства были

не заинтересованы в пленниках, взятых в Херонее, и правительство не могло не пожертвовать общественным благом ради личных привязанностей» (HG, p. 283). Кроме того, были и внешнеполитические причины «эгоистической» политики: «Беотяне, хотя и почувствовали себя достаточно сильными, вряд ли бы отказались от помощи из Пелопоннеса; хотя враждебность лакедемонян [к Афинам] и затихла после происшествия в Дельфах, было понятно, что она могла быть возобновлена при любом удобном случае...» (HG, p. 283).

Вследствие этих двух обстоятельств «афинское правительство торопливо заключило соглашение с беотянами, и они договорились о немедленном возвращении всех, кого они все еще держали в плену, и об отказе от всех претензий к границам этой богатой области» (HG, p. 283). Однако, поскольку власть демократического правительства в Афинах сохранилась, «успех Беотии воодушевил других. В 446 г. до н. э. их примеру последовала Эвбея: восстал самый близкий и наиболее важный из морских вассалов Афин. Армия под командой Перикла поспешила к этому острову. Как только они высадились, в Афины пришли известия, что на противоположной стороне, в Мегарах, благодаря помощи из Коринфа также поднялись против афинского гарнизона, одолели их и предали мечу всех, кто не сумел отступить в Ниссею. Тогда же были получены сведения еще более тревожные, что лакедемоняне готовятся к вторжению в Аттику со всеми силами их конфедерации. Смерть Толмида и бедствия республики привели к тому, что все полномочия правительства попали в руки Перикла. Этот талантливый государственный деятель и полководец немедленно вернул назад свои войска с Эвбеи, победил мегарян и тех их союзников, кто опрометчиво попытался защищать свои области от него, и вынудил их укрыться за их крепостными стенами» (HG, p. 284).

Весной 444 г. до н. э. Спарта – главный противник Афин – начала военные действия. Командование войсками спартанцев, как считает Митфорд, не было вручено Архидаму «то ли потому, что он был близкий друг Перикла, то ли таковы были интересы лакедемонской партии» (HG, P. 285). Спартанские войска возглавил Плистоанакс, но «он был настолько молод, что ввиду его неопытности Клеандрид был приставлен к нему как советник. Армия вступила в Аттику, разорила Трасеянскую равнину и расположилась около Элевсина. Перикл со всеми силами Афин расположился против них, но рассудил, что сражение, проигранное в существующих обстоятельствах, могло бы стать роковым для республики, а промедление как обычный способ оборонительной войны может поставить под угрозу сохранение верности всех зависимых государств, и потому решил на переговоры. Без какой-либо видимой причины пелопонесская армия отступила на полуостров и их союзники были распущены, как будто цель похода была достигнута» (HG, p. 285).

Митфорд подчеркивает: «Обычно считалось, что Периклу удалось подкупить спартанского полководца. В Лакедемоне возникло такое недовольство, что Клеандрид встревожился и бежал: в его отсутствие против него был вынесен смертный приговор, а сам молодой царь, вызванный на суд, был оштрафован на такую сумму, что, будучи не в состоянии выплатить ее, также покинул свою страну» (HG, p. 285). Кроме факта бегства Клеандрида, по мнению историка, обоснованность подозрений подтверждается и тем, что «Перикл в обычном

отчете о расходах своего командования указал, что десять талантов, по современным меркам около двух тысяч пятисот фунтов стерлингов, были использованы для некоей необходимой цели, без уточнения на что именно» (HG, p. 285).

Как считает английский историк, военные события серьезным образом повлияли на политическую ситуацию в Афинах. «Произошедшие после поражения Толмида тревожные события сопровождались успешной деятельностью нового полководца на самых различных поприщах, направленной на сокращение числа приверженцев аристократической партии в Афинах. Противоположная партия получила преобладание в народном собрании, и Фукидид был подвергнут ostracism» (HG, P. 287). В результате в Афинах упрочилась демократическая группировка. «Это была власть, которая могла быть поддержана только интересами демократических и ниспровержением аристократических сил, а также разрушением равновесия в законах. Все это в конце концов оказало крайне разрушительный эффект на республику и повлекло за собой бесчисленное зло для всей Греции» (HG, p. 287).

Это «зло» заключалось, по мнению Митфорда, в сущности политики Перикла. Однако, как снова подчеркивает историк, эта политика определялась не столько самим Периклом, сколько теми силами, от поддержки которых зависели его влияние и власть (HG, p. 294). Английский историк отмечает: «Плутарх приписал Периклу величественный проект, не замеченный другими, более ранними историками, но удостоенный его пространного комментария и, с другой стороны, имевший также признаки некоторой подлинности. Это было не больше и не меньше чем объединение всей Греции под властью одного большого федерального правительства, столицей которого должны были стать Афины» (HG, p. 297). Митфорд считает, что это мнение Плутарха подтверждается последующими событиями. «Перикл предложил созвать в Афинах конгресс представителей от всех республик для того, чтобы, во-первых, поставить вопрос о принятии клятвы защищать безопасность Греции и о восстановлении храмов, пострадавших от варваров, а затем приступить к принятию мер по обеспечению безопасности мореплавания в греческих морях и сохранению мира на суше между всеми государствами» (HG, p. 298).

До описания этих событий трактовка Митфода соответствовала трактовке античных авторов, согласно которой многие греческие государства, и особенно Спарта, отвергли это предложение. Однако дальнейшее понимание сущности событий у Митфорда совершенно иное. «Перикл, когда он вошел в коалицию с Кимоном, кажется, искренне разделял широкие взгляды этого великого человека и надеялся, что благодаря их союзу и олигархическая, и демократическая власть в Афинах могли бы находиться в справедливом равновесии, и считал возможным установление мира в Греции на основе союза между Афинами и Лакедемоном. Однако, исходя из повествования Фукидида, очевидно, что Архидам редко мог определять действия Лакедемонского правительства. Если принять во внимание всю совокупность сведений, кажется вероятным, что проект Перикла был согласован с Архидамом; но противодействие враждебной фракции в Лакедемоне совпало с возражениями тех граждан в Афинах, кто предчувствовал нарушение их интересов со стороны новой коалиции с аристократической партией. Это заставило автора проекта оставить его великолепную

и благотворительную цель на стадии настолько ранней, что этот проект не стал предметом внимания способного и точного историка-современника [Фукидида] в том ценном сокращенном изложении ранней греческой истории, который предшествует его рассказу о Пелопонесской войне» (HG, p. 299).

Как считает английский историк, хотя мир между Лакедемоном и Афинами был необходим и был согласован Периклом и Архидамом, однако, где бы ни вспыхнул конфликт среди греков, пусть и в самых отдаленных греческих поселениях, это не могло не столкнуть Афины и Спарту. «Спор между двумя государствами афинской конфедерации в Азии привел Афины к войне, которая подвергла опасности перемирие, заключенное на тридцать лет, хотя оно едва ли продолжалось шесть» (HG, p. 299).

Доказательством приведенного выше утверждения о неизбежности вовлечения Афин и Спарты в любой конфликт греческих государств, согласно трактовке Митфорда, являются события, связанные с конфликтом между Самосом и Милетом, который и стал непосредственным поводом к началу Пелопонесской войны. «Милет и Самос – каждый предъявлял претензии в 440 г. до н. э. на обладание Приенами (Priene), первоначально свободной греческой республикой, подтверждая свои соответствующие претензии оружием. Милетяне, когда они потерпели поражение, обратились к посредничеству Афин для возмещения причиненного им ущерба» (HG, p. 299).

Неизбежность, или, скорее, закономерность перерастания любого локального конфликта в столкновение двух политических союзов, возглавляемых Афинами и Спартой, объясняется, по мнению Митфорда, тем, что они возглавлялись разными политическими группировками. «На обычную междоусобицу внутри каждого греческого государства влияли политические обвинения: для аристократии, преобладающей в то время на Самосе, лидеры демократической партии были связаны с врагами их страны, и их обвинили в переходе на сторону афинян» (HG, p. 299–300).

Дальнейшие события подтверждают, с точки зрения английского историка, и закономерность, и неизбежность столкновения Афин и Спарты. «Противники Афин, согласно Плутарху, злонамеренно оценивали меры, последовавшие после неохотного согласия Перикла на ходатайство Аспасии в пользу ее родного города, хотя, как следует из свидетельства Фукидида, в таком поводе не было необходимости. Афинское правительство едва обратило внимание на эту причину, и, как и ожидалось, к Самосскому правительству было послано официальное требование ответить депутатам Афин на обвинения, направленные против них. Самосцы, не желая представить свои объяснения на суд тех, кто, как они знали, был всегда враждебен интересам аристократической партии, отказались послать представителей. Однако флот из сорока трирем и галер быстро привел их к покорности; правительство было заменено на демократов, прежде возглавлявших оппозицию и, чтобы гарантировать постоянное послушание аристократической группировки, пятьдесят мужчин и пятьдесят мальчиков из первых семейств острова были отданы в заложники и помещены под афинской охраной на острове Лемнос» (HG, p. 300).

Противоборство политических группировок все более разрасталось в связи с просьбами побежденной аристократической оппозиции о помощи к Персии

и Спартанскому союзу. «Самосские беженцы были благосклонно приняты Писсуфнесом [сатрап Сард]. Они переписывались со многими из их партии, все еще оставшимися на острове, и заняли город Византий, являвшийся союзником Афин. Собрав затем отряд приблизительно из семисот воинов, они ночью пересекли узкий канал, который отделяет Самос от континента и, воссоединившись со своими друзьями, застали врасплох и одолели новое правительство. Тут же они переправились на Лемнос и ... освободили своих заложников, пленив афинскую охрану. Чтобы получить более действенное покровительство сатрапа, афинские пленники были отданы ему. ...Они также не оставляли надежд на помощь лакедемонян и готовились развить свой успех, немедленно предприняв экспедицию против Милета» (HG, p. 301).

Действия со стороны Афин, как считает Митфорд, были также закономерны. Как только «сведения об этих событиях достигли Афин, Перикл с девятью другими стратегами, согласно древней военной конституции, приняли командование и поторопились двинуться к Самосу с флотом из шестидесяти трирем. Шестнадцать из них были направлены к Хиосу и Лесбосу, чтобы требовать помощи от этих островов, остальные корабли – к Карийскому побережью, чтобы найти финикийский флот, который, как ожидалось, поддержит самосцев, поскольку был на персидской службе. Перикл с оставшимися 44 кораблями встретил самосский флот из семидесяти кораблей, возвращавшийся из Милета, и разгромил их» (HG, p. 301).

Эти события, в понимании английского историка, сами по себе уже могли бы стать поводом к началу Пелопонесской войны, и лишь позиция Коринфа пока отсрочила ее начало. «Тем временем в Спарте было созвано совещание представителей государств Пелопонесской конфедерации по вопросу о том, защищать ли демократическую партию на Самосе, что, согласно господствующим в то время греческим политическим принципам, было восстанием. Коринфяне, пока еще ослабленные последствиями их недавней войны с Афинами, предпочли склонить собрание к отказу от таких действий» (HG, p. 302). В результате «угроза начала всеобщей войны в Греции была устранена решением собрания Пелопонесской конфедерации не вмешиваться в отношения между афинянами и их азиатскими союзниками, и мир сохранялся в течение следующих трех лет после покорения Самоса» (HG, p. 304).

Однако в Афинах оценка этих событий и их последствий была иной: «Перикл воспользовался случаем, чтобы завоевать еще большую популярность. После возвращения войска в Афины с пышностью были проведены традиционные празднества в честь тех, кто погиб в войне... Когда он спускался с возвышения, откуда поздравлял народ, женщины увенчали его с венками; ...что было самым высоким символом уважения и отличия со стороны правительства» (HG, p. 304).

Повторение в дальнейшем похожих ситуаций, как считает английский историк, связанных с конфликтами Коркиры и Коринфа, а затем и Потидеи и Коринфа, и вовлечение в этот конфликт Афинского и Пелопонесского союзов не могло не привести к войне (HG, p. 305–320, 320–331). В результате после всех этих событий новое собрание представителей Пелопонесской конфедерации приняло решение, что помощь Афин этим городам и вовлечение их в Афинский

союз является нарушением условий мира Афинами, и направило в этот город послов с требованиями, которые Афины отклонили (HG, p. 333–346). Митфорд подчеркивает: члены Пелопонесского союза осознавали, что идет процесс превращения Афинского союза в Афинскую империю и поэтому война необходима как средство предотвращения этого, и потребовали в качестве условия сохранения мира, чтобы все государства Греции, ставшие подданными Афин, восстановили свой статус независимых государств (HG, p. 346–347).

Последним толчком к началу войны послужил очередной конфликт, теперь уже между Потидеей и Фивами. И в этом случае в основе конфликта была как внешняя, так и внутренняя борьба между аристократической и демократической группировками. «При протекторате Афин «демократы», конечно, преобладали в Платеях. Но как в самих Афинах оставались сторонники аристократической партии, так и в Платеях были люди, которых демократическое правительство иногда притесняло и всегда препятствовало их продвижению, что вызывало недовольство. Такое недовольство не имело перспектив при господстве Афин, поэтому Фивы оказывали этой партии помощь, надеясь изменить патронаж в свою пользу» (HG, p. 358).

Итак, представляется очевидным, что причины Пелопонесской войны Митфорд связывает не с личными качествами и влиянием политических лидеров, не столько с влиянием и преимуществами той или иной политической организации государств Греции, сколько с политической междоусобицей внутри каждого греческого государства, вызванной преобладанием частных, материальных интересов именно в демократических Афинах, навязывавших свое господство другим государствам Греции ради удовлетворения и увеличения этих интересов.

Источники

HG – *Mitford W.* The History of Greece: 12 v. – London: Luke Hansard & sons, 1808. – V. II. – 551 p.

Литература

1. *Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 390 p.
2. *Frank M.* The Greek Heritage in Victorian Britain. – New Haven: Yale UP, 1981. – 461 p.
3. *Peardon T.P.* Transition in English Historical Writing, 1760–1830. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1933. – 333 p.
4. *Милашевская Т.А.* Уильям Митфорд и начало торийской историографии античности в Англии: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979. – 190 с.
5. *Скворцов А.М. Кондрашук Р.А.* Античное наследие в политической и колониальной практике Британской империи: У. Митфорд как идеолог «нового империализма» // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 4. – С. 86–91.

Поступила в редакцию
09.04.19

Яснитский Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии

Московский государственный областной университет

ул. Радио, д. 10А, г. Москва, 105005, Россия

E-mail: Yasnitsky@bk.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 34–42

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.34-42

W. Mitford on the Causes of the Peloponnesian War

N.A. Yasnitsky

Moscow Region State University, Moscow, 105005 Russia

E-mail: Yasnitsky@bk.ru

Received April 9, 2019

Abstract

This historiographical paper discusses the causes of the Peloponnesian War as understood by W. Mitford, an English historian at the turn of the 18th – 19th centuries. His work “The History of Greece” was considered the most influential until the publication of “History of Greece” by G. Grote. It was found that W. Mitford’s interpretations were differently assessed in the 19th – 20th centuries: he was accused of political bias, praising Sparta, and criticizing democracy in general and the Athenian system of government in particular. The evidence that W. Mitford’s interpretations of the causes of the Peloponnesian War are based on the same objective factors as that ones introduced by modern scholars: not on his personal preferences or political views, but on the analysis of the political situation in Greek states based on the material interests of the political groups in democratic Athens imposing its rule to other Greek States in order to satisfy these interests.

Keywords: English historiography, antiquity, 18th century, W. Mitford, Athens, Sparta, Peloponnesian War

References

1. Rawson E. *The Spartan Tradition in European Thought*. Oxford, Clarendon Press, 1969. 390 p.
2. Frank M. *The Greek Heritage in Victorian Britain*. New Haven, Yale UP, 1981. 461 p.
3. Peardon T.P. *Transition in English Historical Writing, 1760–1830*. New York, Columbia Univ. Press, 1933. – 333 p.
4. Milashevskaya T.A. William Mitford and the beginning of the Thorian historiography of antiquity in England. *Cand. Hist. Sci. Diss.* Kazan, 1979. 190 p. (In Russian)
5. Skvortsov A.M., Kondrashuk R.A. Antique legacy in the political and colonial practices of the British Empire: W. Mitford as an ideologist of “new imperialism”. *Chelyabinskii Gumanitarii*, 2014, no. 4, pp. 86–91. (In Russian)

Для цитирования: Яснитский Н.А. Уильям Митфорд о причинах Пелопонесской войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 34–42. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.34-42.

For citation: Yasnitsky N.A. W. Mitford on the causes of the Peloponnesian War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, nos. 2–3, pp. 34–42. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.34-42. (In Russian)